

Десять плюс один

Автор:

Эд Макбейн

Десять плюс один

Эд Макбейн

87-й полицейский участок #17

В серию «87-й полицейский участок» входит более пятидесяти романов, за создание которых Эд Макбейн был удостоен премии Grand Master. В книге «Десять плюс один» Стив Карелла и его коллеги расследуют дело невидимого стрелка, который держит в страхе весь город.

Эд Макбейн

Десять плюс один

Ed McBain

Ten Plus One

© 1963 by Hui Corporation

© Вуль Н. А., перевод на русский язык, 2021

© ООО «Феникс», издание на русском языке, оформление, 2021

Кому могут прийти в голову мысли о смерти, когда стоит чудесная весенняя погода?

Время увядания и смерти уж никак не весна, а осень. Осенняя пора навевает мрачные мысли, будит в воображении жуткие образы, внушает мечты о смерти одной лишь атмосферой всеобщего угасания. Осень – чертовски поэтична, она коротка, она источает аромат тлена и догорающих в золе углей. Куча народу покидает наш мир именно в осеннюю пору. Осенью по большому счету вообще умирает всё.

Весной умирать нельзя. Это даже запрещено законом. Если вы не в курсе, в уголовном кодексе даже есть статья, в которой сказано: «Уход из жизни, попытка ухода из жизни, заговор с целью ухода из жизни, вынашивание планов ухода из жизни в период весеннего равноденствия, является уголовно наказуемым деянием из разряда тяжких преступлений и карается...» Ну и так далее, в том же духе. Уголовный кодекс категорически запрещает смерть в период с 21 марта по 21 июня, однако всегда встречаются нарушители закона. С этим, согласитесь, ничего не поделаешь.

Одним из будущих нарушителей этого закона был мужчина, который вышел на улицу из офисного здания, расположенного на Кулвер-авеню. В целом его можно было с уверенностью назвать добропорядочным трудолюбивым гражданином, верным мужем, любящим отцом и прочая, прочая, прочая... Он и не думал ничего нарушать. Он не подозревал, что в весеннюю пору смерть объявлена вне закона. Впрочем, даже если бы он и знал об этом, его это несколько не волновало бы, так как тем солнечным весенним днем он думал о чем угодно, но только не о смерти.

Скажу вам больше, он думал о жизни: о том, что на следующей неделе ему предстоит отпраздновать день рождения, ему стукнет сорок пять лет, и это при том, что он чувствовал себя максимум на тридцать пять – не больше. Мужчина размышлял, что седина на висках, при всей банальности избитого образа, придает ему благородный вид, что плечи такие же широкие, как и прежде, и что наконец ему удалось избавиться от появившегося было брюшка – и не зря он ради этого регулярно по два раза в неделю ходил на теннис. Поразмыслив,

мужчина решил, что займется сексом с женой сразу же, как только ее увидит, даже если после этого их больше не пустят на порог ресторана, где им предстоит встретиться.

В тот самый момент, когда он думал обо всем этом, в свежем весеннем воздухе пуля пропела свою смертельную песнь. Ее полет начался на крыше здания, стоявшего на противоположной стороне улицы. Вырвавшись из дула, она, злобно вращаясь вокруг своей оси, с безупречной точностью устремилась к цели – беспощадная, быстрая, бескомпромиссная. Пролетев над крошечными, как жучки, автомобилями и наслаждающимися весной муравьишками – людьми, она впиалась прямо меж глаз мужчине.

В тот самый миг, когда пуля вонзилась в переносицу мужчине, у него в голове мелькнула одна-единственная мысль, после чего наступила тьма. Внезапно почувствовав страшный удар, в последнюю долю секунды мужчина подумал, что он, сам того не заметив, налетел на стеклянные двери на выходе из здания. За эту долю секунды пуля расколола череп, прошла сквозь мозг и вылетела наружу, проделав в затылке отверстие размером с бейсбольный мяч. Вдруг не стало ни мыслей, ни чувств, ни ощущений – наступило ничто. Удар отшвырнул мужчину больше чем на метр, и он налетел на девушку в хлопковом платье желтого цвета. Девушка инстинктивно отстранилась, а мужчина, сложившись, как выдавший виды аккордеон, повалился на тротуар. Смерть наступила еще до того, как он упал на землю. Из большого входного отверстия на переносице лилась непропорционально маленькая струйка крови, тогда как кровь из огромного выходного отверстия в основании черепа обильно заливала асфальт. Эта ослепительно, кричаще красная кровь, все еще хранившая в себе жар оборвавшейся жизни, лужей подступила к ногам застывшей в ужасе девушки.

Девушка инстинктивно отпрянула. Как раз вовремя – еще миг, и кровь дошла бы до носков ее туфель на высоком каблуке.

Детектив Стив Карелла поглядел на тело, лежавшее на тротуаре. Как же это странно. Вышел из участка десять минут назад и еще подумал: «Совсем нет мух, их время еще не настало, слишком рано, и вот теперь смотрю на труп и вижу, что мух-то на самом деле вокруг полно». Они облепили тротуар, роились в воздухе, несколько штук осадил входное отверстие на переносице мужчины.

– Вы что, его прикрыть не можете?! – резко бросил Карелла одному из санитаров.

Тот с невинным видом пожал плечами и показал на полицейского фотографа, который заправлял в фотоаппарат пленку, укрывшись в тени припаркованной у тротуара кареты скорой помощи.

– Надо труп отснять, – буркнул фотограф, даже не подняв головы.

Карелла отвернулся от тела. Детектив был идеально сложен – высокий, поджарый, мускулистый. Узкие скулы и чуть загнутые вниз уголки карих глаз придавали его лицу восточный и вместе с тем печальный вид, особенно когда он поднимал лицо к солнцу и щурился. Проведя рукой по коротко стриженным каштановым волосам, Стив направился к девушке в желтом платье, разговаривавшей с несколькими газетчиками.

– Ребята, давайте попозже, – обратился он к журналистам, и они, странно присмиревшие от осознания того, что здесь совсем недавно произошло убийство, покорно вышли за оцепление и присоединились к толпе зевак.

– Ну, как вы? – обратился Карелла к девушке.

– Все в порядке, – ответила она и, покачав головой, добавила: – Ну и ну... Вообще...

– Вы сможете ответить мне на несколько вопросов? – Стивен испытующе посмотрел на нее.

– Конечно. – Девушка пожалала плечами. – Ну во-о-обще... – протянула она, – со мной такого никогда не случалось. Ни разу в жизни. Жду не дождусь, когда наконец мужу расскажу.

– А как вас зовут, мадам?

– Миссис Ирвинг Грант, – ответила девушка.

– А по имени как? – уточнил Карелла.

– Лизанна. С двумя «н».

– Подскажите ваш адрес, миссис Грант, – продолжил детектив.

– Гровер-стрит, дом одиннадцать сорок два. Это за Первой улицей, – помолчав, пояснила девушка.

– Угу, – кивнул Карелла, записывая адрес в блокнот.

– Это я специально уточнила, – промолвила Лизанна, – а то вдруг вы подумаете, что я живу в пуэрториканском квартале.

– Ну что вы, как можно, – покачал головой Стивен.

Неожиданно на него навалилась усталость. Ну что за жизнь?! На тротуаре валяется обсаженный мухами труп, а свидетельницу преступления волнует только одно – как бы он, Карелла, не подумал, что она живет в пуэрториканском квартале. Детективу страшно захотелось как можно доходчивее объяснить девушке, что ему совершенно плевать, в каком районе она живет. В пуэрториканском? Да ради бога! Хоть в чехословацком. Сейчас важнее всего, чтобы она как можно спокойнее и точнее рассказала, что именно тут произошло с человеком, который теперь лежит с дыркой во лбу на тротуаре и более не имеет национальной принадлежности. Он строго посмотрел на нее, искренне надеясь, что его взгляда окажется достаточно, чтобы девушка взяла себя в руки, после чего спросил:

– Вы можете объяснить мне, что здесь произошло?

– А он вообще кто? – спросила миссис Грант.

– Пока мы этого не знаем, – терпеливо ответил Карелла. – Мы еще его не обыскивали и не в курсе, есть ли при нем документы. Вот закончит фотограф работу, тогда и поглядим. Давайте еще раз: вы можете рассказать, что здесь произошло?

– Да я просто шла такая, а он на меня налетел. – Девушка пожала плечами. – Потом он упал. Я на него гляжу и вижу, что кровь так и льется. Во-о-обще. Вот

честно вам скажу, сколько живу – ни разу еще...

– Вы говорите, он на вас налетел? В каком смысле? – оборвал ее Карелла.

– Ну, в прямом, – изогнула брови Лизанна, – он, типа, спиной налетел.

– То есть это было после выстрела? – уточнил Карелла. – Его отшвырнуло на вас?

– Ничего я про выстрел не знаю, – нахмурилась девушка. – Наверное, все так, как вы сказали.

– Еще раз, как было дело? – вздохнул Карелла. – Он попятился назад и налетел на вас, или он задел вас во время падения?

– Да не знаю я, – помотала головой Лизанна, – как-то не обратила внимания. Я просто шла себе и шла, а он взял и налетел на меня.

– Хорошо, миссис Грант, что было дальше?

– Ничего, – пожала девушка плечами, – повалился на спину. Я чуть в сторонку отступила, а потом посмотрела вниз. Гляжу – кровища. Так я и поняла, что его ранило.

– И что же вы сделали?

– Даже не знаю. Думаю – ничего. Просто стояла и смотрела на него. – Она покачала головой. – Скорей бы мужу рассказать. Жду не дождусь.

– А выстрел вы слышали, миссис Грант?

– Нет, – чуть помедлив, ответила Лизанна.

– Вы в этом уверены?

– Я просто шла и думала о своем, – вздохнула девушка. – Я и представить не могла, что такое может случиться. Я к чему говорю – может, выстрел и был,

может, их было целых шесть, – просто я ничего не слышала. Он вдруг ни с того ни с сего на меня налетел, упал, а потом полилась кровища. Фу! – Миссис Грант поморщилась, вспомнив пережитое.

– И с оружием, я так понимаю, вы никого не видели? – мрачно произнес Карелла.

– С чем? С оружием? Нет-нет, никого не видела. – Лизанна решительно помотала головой.

– Я прекрасно понимаю, что до того, как произошло убийство, вы просто шли, думали о своем и потому ничего не замечали, – спокойным голосом произнес детектив. – Ну а после, миссис Грант? Может, вы заметили что-нибудь подозрительное в одном из окон напротив или же на крыше? Неужели все было как обычно?

– Я не смотрела по сторонам, – развела руками девушка. – Не могла оторвать взгляд от его лица. – Она показала на тело.

– Он что-нибудь успел сказать до того, как упал?

– Ни слова, – покачала головой Лизанна.

– А после того, как упал?

– Ничего.

– Благодарю вас, миссис Грант. – Карелла одарил девушку короткой приятной улыбкой и закрыл блокнот.

– Это все? – удивилась она.

– Да. Я вам очень признателен за помощь.

– Но...

Казалось, ответ детектива разочаровал Лизанну. Девушка едва заметно пожалала плечами.

- Вы что-то хотите спросить, миссис Грант? - поинтересовался Карелла.

- Я думала, меня на суд позовут... типа такого, - протянула девушка.

- Полагаю, необходимости в этом не будет! - отрезал Стивен. - Еще раз большое спасибо.

- Ну-у-у... ладно. - Миссис Грант проводила детектива разочарованным взглядом.

Карелла снова подошел к телу. Полицейский фотограф отплясывал возле трупа замысловатый танец. Щелкнув затвором камеры, он делал кадр, вынимал лампу-вспышку, вставлял новую, после чего подгибал ноги и склонялся под немислимым углом, чтобы снять труп с другого ракурса. Санитары с небрежным видом стояли у кареты скорой помощи, курили и болтали о трахеотомии, которую накануне в экстренной обстановке пришлось делать одному из них. В метре от них два следователя из убойного отдела - Моноган и Монро - опрашивали патрульного. Несколько мгновений понаблюдав за фотографом, Карелла решительно направился к следователям из убойного отдела.

- Ну и ну, - протянул он. - И по какому же случаю нам оказана такая честь?

Моноган был одет в черное пальто и шляпу-котелок, отчего сильно напоминал полицейского эпохи сухого закона. Повернувшись к Стивену, он смерил его взглядом, после чего с изумлением, словно только обнаружил присутствие детектива на месте преступления, произнес, обращаясь к Монро:

- Вот это да! Карелла из восьмьдесят седьмого участка! Ну кто бы мог подумать!

- Клянусь всеми святыми, это действительно он, - отозвался в тон ему Монро.

Второй следователь тоже был одет в черное пальто. Монро страдал нервным тиком, причем жилка под глазом всякий раз чудесным образом начинала дергаться в тот момент, когда к нему обращался напарник. В результате

создавалось впечатление, что у Монро под кожей работает звукозаписывающий механизм.

– Решили наведаться на место преступления? Надеюсь, вам не пришлось ради этого прервать ужин? – любезно промолвил Карелла.

– Знаешь, за что я так обожаю легавых из восьмьдесят седьмого участка? – осведомился Моноган у мучимого тиком Монро. – За то, что они всегда заботятся о своих коллегах.

– А еще у них прекрасное чувство юмора. Хоть на сцену публику веселить, – добавил Монро.

– Кстати, уже выяснили, кто этот жмур? – Моноган сунул ладони в карманы пальто, оставив снаружи лишь большие пальцы.

– Пока неизвестно, – покачал головой Карелла. – Жду, когда фотограф закончит.

– Я так погляжу, он старается изо всех сил, – заметил Монро.

– Слышал, он подрабатывает портретистом на стороне, – сообщил Моноган.

– Между прочим, вы в курсе, что теперь делают некоторые из этих ребят? – осведомился Монро.

– Каких ребят? – не понял Моноган.

– Ну, фотографов, – пояснил Монро, – которых отправляют работать на месте преступления, когда происходит убийство.

– А-а-а... Нет, не в курсе. И что же они делают?

– Берут с собой камеры «полароид» и фотографируют ими.

– Что, правда? – без особого энтузиазма изобразил изумление Моноган. – А зачем? Не терпится поскорей получить снимки? И куда они, спрашивается,

торопятся?

- Да никуда, - махнул рукой Монро. - Дело вообще не в спешке. Вот представь, ты фоткаешь жмура, а потом выясняется, что снимки не получились. И что в такой ситуации делать? Новую фотосессию ему ведь не назначишь. Правильно? К тому моменту, когда проявишь пленку, труп уже изрежут в морге. А с «полароидами» фотографы сразу видят результат.

- Ты смотри, чего только не придумают, - в деланом потрясении покачал головой Моноган и повернулся к Стивену: - Что нового, Карелла? Как начальник? Как ребята?

- У всех все прекрасно, - заверил следователя Стив.

- Какие-нибудь занятные дела в последнее время попадались?

- Ну вот, например, с этим делом мы явно не заскучаем. - Стивен кивнул в сторону трупа.

- Это точно, - со знанием дела согласился Моноган, - снайпер потрудился. Такое всегда интересно расследовать.

- Работали мы как-то раз по одному снайперу, - ударился в воспоминания Монро. - Меня тогда только произвели в детективы, приписали к тридцать девятому участку. Так вот, этот снайпер валил только старушек. Специализировался исключительно на них. Стрелял он из сорок пятого калибра и бил, надо признать, очень метко. Помните Микки Данхилла?

- Да, помню-помню, - покивал Моноган.

- А ты помнишь Микки Данхилла? - повернулся Монро к Карелле.

- Нет, - покачал головой Стивен. - Кто это вообще такой?

- Детектив первого разряда, работал в тридцать девятом участке. На вид - хиленький, плюгавый, одним словом, - соплей перешибешь. А на самом деле силен он был как бык, кого хочешь в бараний рог мог согнуть. Короче, нарядили

мы его старушкой. Так мы снайпера и поймали – на живца. Он попытался подстрелить Данхилла и промазал. Ну, Микки подобрал юбки и погнался за ним. Настиг его на крыше и чуть не забил до смерти.

– Да, точно, так все и было, – подтвердил Моноган.

– Одним словом, задержали мы этого мужика, в смысле снайпера, сели допрашивать, – продолжил Монро. – Нам страшно хотелось выяснить, с какой радости он валил только старушек. Мы думали, у него нечто вроде эдипова комплекса. Понимаете, о чем я? Но...

– Чего у него? – нахмурился Моноган.

– Эдипов комплекс. Эдип был греческим царем. Спал со своей мамашей, – пояснил Монро.

– Но это противозаконно, – заметил Моноган.

– Я в курсе. Так вот мы подумали, а вдруг наш снайпер просто псих? Понимаете? Вот мы к нему и прицепились. И так спрашивали, и эдак – чего ты бабушек-то валил? Почему не дедушек или там всех подряд, без разбора? Чем тебе не угодили милые, очаровательные старушки?

– Ну и чем? – осведомился Моноган.

– Он не сказал, – пожал плечами Монро.

– В каком смысле?

– В прямом. Не сказал, и все тут.

– Тогда на хрена ты все это рассказывал? В чем суть всей твоей истории? – поинтересовался Моноган.

– Что значит «на хрена»? – возмутился Монро. – Я к чему говорю: мы расследовали дело, убийца был снайпер, валил одних старушек.

- Ну и что?

- Как - что? Вот ты спросил про суть истории - так это суть и есть! - с негодованием произнес Монро.

- А что с тем, другим мужиком? - хмуро спросил Моноган.

- Каким мужиком? - не понял Монро.

- Ну этим... греком, - нетерпеливо пояснил напарник.

- Каким греком?

- Да царем греческим! Ты же вроде сказал, что он был греческий царь.

- Ах, ты про Эдипа! - осенило Монро. - Господи, да он вообще не имеет отношения к делу!

- Я бы на твоём месте все равно бы к нему присмотрелся, - наставительно произнес Моноган. - От таких кадров можно ждать чего угодно.

- Да как я к нему присмотрюсь? - всплеснул руками Монро. - Это же мифологический персонаж!

- Какой персонаж? - переспросил Моноган.

- Мифологический! Ми-фо-ло-ги-ческий!

- Раз мифологический, тогда другое дело, - понимающе кивнул Моноган. - Просто ситуацию надо всегда рассматривать с разных углов. Такой подход всегда приносит результат.

- Кажется, фотограф закончил, - вступил в разговор Карелла.

- Наша помощь нужна? - спросил Монро.

- Не думаю, - покачал головой Стивен, - я отправлю вам копию протокола.

- Знаешь, что я тебе посоветую? - осенило Монро. - У вас в участке работает один рыжий здоровяк... Как его там?..

- Коттон Хоуз? - подсказал Карелла.

- Точно, он самый. Так вот, нарядите его старухой. Может, этот снайпер на него и клюнет.

- Похоже, этот снайпер предпочитает мужчин зрелого возраста, - заметил Карелла.

Моноган обернулся и кинул взгляд на труп.

- Ему не больше сорока лет, - немного обиженно произнес он. - С каких пор сорокалетие считается зрелым возрастом?

- Я хотел сказать, среднего возраста, - исправился Стивен.

- Так-то лучше, - проворчал Моноган. - Кстати, у нас ввели новые правила, поэтому копию протокола пришли в двух экземплярах.

- Да ладно тебе, побойся Бога, - с укоризной промолвил Стив.

- Я тут при чем? - возмутился Моноган. - Я, что ли, эти правила придумываю?

- А что - нет? - всем своим видом изобразил изумление Карелла.

- Ну вот он опять. Понял, что я имел в виду? - Монро толкнул напарника локтем в бок. - Так шутит, что даже обмочиться можно от смеха. Ты слышал, что сказал Моноган? Копия протокола в двух экземплярах. Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

- Ладно-ладно. - Карелла напустил на себя задумчивый вид, немного помолчал, а потом поднял глаза на Моногана. - Как думаешь, может, его, - он кивнул на

труп, – грек завалил?

– Какой еще грек?

– Ну, тот самый, о котором Монро говорил.

– Я бы не стал исключать такой вариант, – с серьезным видом ответил Моноган. – Раз человек спит с собственной матерью, значит, он способен на все.

Улыбающийся Карелла подошел к фотографу, который как раз собирал вещи.

– Вы закончили? – спросил детектив.

– Да, располагайтесь, почувствуйте себя как дома, – отозвался тот.

– Я бы хотел получить от вас кое-какие фотографии.

– Без проблем, – пожал плечами фотограф. – Кстати, в каком мы округе?

– В восемьдесят седьмом.

– Ясненько. А зовут вас как?

– Карелла, – представился детектив. – Стив Карелла.

– Фотографии получите завтра. – Мужчина увидел, как у тротуара остановился седан, и, ослабившись, покачал головой.

– Что случилось? – прищурился Карелла.

– Судмедэксперты, – пояснил фотограф. – Теперь вам придется ждать, когда закончат они.

– Черт подери! – выругался Стивен. – Мне всего-навсего надо выяснить, кто этот убитый. – С этими словами он повернулся к двум экспертам, выбравшимся из автомобиля.

Личность убитого удалось установить, изучив содержимое его портмоне, и теперь детектива ждало самое сложное.

Погибшего звали Энтони Форрест. Если верить данным в водительском удостоверении, потерпевший являлся обладателем голубых глаз, проживал в доме № 301 на Моррисон-драйв, а роста в нем было один метр семьдесят два сантиметра. В бумажнике обнаружилось шесть кредитных карточек – все они были выпущены на имя Энтони Форреста. Нашлась и визитная карточка. Помимо уже известного имени погибшего, на ней также значилось и его место работы. Покойный трудился в корпорации «Индиан экспортерс», офис которой располагался в доме № 580 по Кулвер-авеню. По этому адресу находилось то самое здание, перед которым Энтони и убили. В визитке также указывались должность мистера Форреста – вице-президент – и телефон. В портмоне нашлась масса других визиток и клочков бумаги, а в водительские права, как оказалось, была вложена пятидолларовая банкнота – видимо, для того, чтобы в случае нарушения правил дорожного движения решать вопросы с полицейским на месте, без лишних формальностей. Кроме этих пяти баксов, в портмоне нашли еще семьдесят долларов – три двадцатки, одну пятерку и пять купюр по одному доллару.

В одном из отделений портмоне Карелла нашел фотографии.

Светловолосой женщине на одной из фотографий было лет тридцать пять. Она весело улыбалась Карелле с фотокарточки, а в ее живых, молодых глазах сверкали огоньки. Имелись фотографии трех детей – двоих мальчиков и одной девочки. Все они были, как и женщина, светлоглазыми и светловолосыми. Мальчиков запечатлели на фотокарточках в скаутской форме. Один, казалось, был чуть старше другого, но при этом обоим мальчуганам явно исполнилось не больше одиннадцати лет. Девочке было лет пятнадцать-шестнадцать. Ее сфотографировали где-то на пляже. Она держала в руках большой полосатый пляжный мяч и улыбалась, выглядывая из-за него. За ней стоял Форрест и, смеясь как мальчишка, держал у нее над головой пальцы рожками.

Карелла вздохнул и закрыл портмоне.

Согласно принятому в полиции старинному правилу, трупы подлежат обязательной процедуре опознания, на которую обычно приглашается кровный родственник покойного. В результате этой процедуры полиции окончательно становится ясно, что она занимается поисками убийцы конкретного человека, скажем Джона Смита, а не какого-то там абстрактного имярека. Найденные в портмоне фотографии явно указывали на то, что у Форреста имелись жена и трое детей, поэтому теперь кто-то должен был навестить к нему домой, дожидаться, когда откроются двери, предстать перед упомянутой женой и детьми и сообщить им, что Энтони Форрест, любящий муж и отец, лежит в морге мертвее мертвого.

Эту тяжкую ношу предстояло взвалить на плечи Стиву Карелле.

Дверь дома № 301 по Моррисон-драйв открыла та самая девушка, которая улыбалась Карелле с фотографии, держа в руках пляжный мяч. Со всей очевидностью можно было заключить, что фотографию сделали несколько лет назад, поскольку девушке, стоявшей перед Кареллой, было как минимум лет девятнадцать-двадцать. Волосы ее потемнели, но голубые глаза смотрели пытливо и живо. Вежливо улыбнувшись Карелле, она немного озадаченно взглянула на него и произнесла:

– Здравствуйте! Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Мисс Форрест? – спросил Карелла.

– Да. – Девушка выгнула светлые брови. Теперь она выглядела куда более озадаченной.

– Моя фамилия Карелла. Я детектив, работаю в восемьдесят седьмом участке, – представился Стивен. Выдержав паузу, он предъявил свой значок, удостоверение, после чего замялся.

Девушка выжидающе на него посмотрела.

– Я могу поговорить с вашей матерью? – прокашлявшись, спросил полицейский.

- Ее нет дома, - ответила девушка.

- Вы не в курсе, где я могу ее найти?

- Она поехала в ресторан - там она должна встретиться с отцом, - пояснила девушка. - А что случилось?

Карелла, тяжело вздохнув, опустил глаза, и тут до девушки наконец дошло. Всего мгновение назад она была лишь удивлена неожиданным визитом полицейского, но теперь, услышав его вздох, бедняжка не на шутку встревожилась. Ее глаза широко распахнулись. Сделав один короткий шаг навстречу детективу, она произнесла:

- Что случилось? Ну же, говорите!

- Вы позволите мне войти?

- Да, конечно, - кивнула девушка, но при этом не пустила Стивена дальше передней. - Что случилось? - снова повторила она.

- Мисс... - Карелла замялся.

Стоит ли говорить ей о смерти отца? Как она воспримет эту новость? Не слишком ли она юна? Впрочем, с одной стороны, ему надо выяснить, где сейчас находится ее мать, а с другой стороны, он обязан хоть кого-нибудь поставить в известность о случившемся.

- Вам известно, куда поехала ваша мама? В каком именно ресторане она должна ужинать с вашим отцом?

- Да, - кивнула девушка, - ресторанчик называется «У Шрафта». Они там собирались встретиться, но я не знаю, будут ли они там ужинать. Умоляю, объясните наконец, что произошло?

Карелла долго, очень долго смотрел на нее. Потом, как можно мягче, он произнес:

- Мисс, вашего отца больше нет. Он погиб.

Девушка попятилась от Кареллы. Посмотрев на него, она на краткий миг странно улыбнулась, после чего улыбка исчезла с ее лица. Резко мотнув головой, девушка произнесла:

- Нет. Не может быть.

- Простите, мисс, - Карелла потупил взгляд, - мне очень жаль.

- Наверное, тут какая-то ошибка, - неуверенно произнесла девушка. - У них же с мамой встреча...

- Боюсь, что никакой ошибки нет, - покачал головой детектив.

- Ну... ну... Откуда вам знать?.. То есть я хочу сказать... Господи, да объясните же наконец, что произошло?

- Его застрелили, - коротко произнес Стивен.

- Моего отца? - Девушка отказывалась верить своим ушам. - Застрелили? - Она снова мотнула головой. - Вы что, шутите? Это какой-то розыгрыш?

- Нет, это не шутка и не розыгрыш. Простите. - Карелла развел руками. - Мне нужно связаться с вашей мамой. Вы позволите воспользоваться телефоном?

- Погодите... Погодите... - Девушка выставила вперед ладонь. - Что вы такое несете? Это какая-то нелепость. Это невозможно, понимаете? Моего отца зовут Энтони Форрест. Я уверена, вы...

Карелла с нежностью коснулся ее руки:

- Мисс, нам удалось установить личность погибшего. У нас есть все основания полагать, что это ваш отец.

- Какие еще основания?

- Мы осмотрели карманы и обнаружили портмоне... - начал Стивен.

- Тогда все понятно, - не дослушав, перебила его девушка. - Портмоне украли. Такое случается постоянно. У человека, которого убили, было портмоне, украденное у моего отца, поэтому, вполне естественно, вы решили...

- Кто там, Синди? - донесся откуда-то со второго этажа мальчишеский голос.

- Никто, Джеф. Все нормально, - крикнула девушка.

- Я должен связаться с вашей мамой, - мягко, но при этом настойчиво промолвил Карелла.

- Зачем? Чтобы тоже встревожить ее понапрасну?

Карелла не ответил, лишь молча посмотрел на девушку. Он видел, как на ее глаза начинают наворачиваться слезы, и ей пока удается их сдерживать лишь чудовищным усилием воли.

- Хорошо, звоните, - наконец произнесла девушка, - только если это ошибка... вы очень пожалеете! Потому что, если это не мой отец... Вы пожалеете, вам ясно?! - Слезы прозрачной пеленой застилали ее голубые глаза. - Телефон тут. - Она провела Кареллу в гостиную. - Я уверена, что это не папа. - Девушка издала короткий смешок. - За что могли застрелить отца? Он же ничего такого не делал!

Карелла взял телефонную книгу и отыскал в ней телефон ресторана. Он начал набирать номер и вдруг почувствовал, как девушка дотронулась до его руки.

- Послушайте, - промолвила она.

Стивен поднял на нее взгляд.

- Послушайте, - повторила девушка, и слезы хлынули из ее глаз, - она... она женщина слабая... Прошу вас... скажите ей как-нибудь помягче... Пожалуйста... Хорошо? Помягче...

Карелла кивнул и продолжил набирать номер.

Клара Форрест оказалась изящной женщиной тридцати девяти лет с сеточкой крошечных морщинок, расположившихся вокруг глаз и рта. Она без слов проследовала вместе с Кареллой в морг. На ее лице застыло странное выражение, которое отчасти можно было назвать сердитым, – очень часто именно так выглядят люди, едва узнавшие о смерти близкого им человека. Работник морга беззвучно выдвинул ящик на хорошо смазанных шарнирах. Клара стояла молча. Все так же не говоря ни слова, она опустила взгляд на лицо мужа и кивнула – один-единственный раз. Она поверила в случившееся сразу, как только Карелла сказал ей по телефону о беде. И вот теперь она глядела в лицо дорогого ей человека... Она любила его с семнадцати лет, вышла за него в девятнадцать, родила ему троих детей, делила горе и радость. Сейчас его безжизненное лицо ничего не выражало. Теперь это был просто труп в морге. Что она здесь делает? Зачем на него смотрит? Ради соблюдения простой формальности? Сердце начало ныть сразу же, как только с ней поговорил Карелла, и с той поры боль никак не унималась. Ну и пусть. Теперь всё – лишь пустая формальность.

– Миссис Форрест, это действительно ваш муж? – спросил Стивен.

– Да.

– И его зовут Энтони Форрест?

– Да. – Клара покачала головой. – Давайте уйдем отсюда! Прошу вас!

Они миновали просторное помещение, в котором их шаги отдавались гулким эхом, и остановились в больничном коридоре.

– Вскрытие... будет? – с трудом спросила она.

– Да, миссис Форрест, – тихо ответил Стивен.

– Мне бы этого не хотелось.

– Простите... – Карелла запнулся, – но иначе никак.

– Как вы думаете... Ему было очень больно?

– Скорее всего, он умер мгновенно, – как можно мягче произнес детектив.

– Слава богу.

Надолго повисло молчание.

– Знаете, у нас в доме много часов, – неожиданно заговорила Клара, – очень много – десятка два, если не больше. Я как чувствовала, что это случится.

– Что вы имеете в виду? – прищурился Карелла.

– Он всегда заводил часы сам. А некоторые из них очень сложные. Те, что древнее. А иностранные часы... Знаете, какие они хитрые? Он их заводил каждую неделю, по субботам – все сразу. – Она помолчала и вдруг устало улыбнулась. – Я всегда так боялась, что это случится... Видите ли, он... Я так и не научилась их заводить...

– Я вас не понимаю, – покачал головой Карелла.

– Раз Тони теперь нет... – глядя в одну точку, медленно произнесла женщина, – кто же теперь будет заводить часы?

И тут она заплакала.

Полиция, по сути дела, – это огромный механизм, одним из винтиков которого является детектив. Он каждый день ходит на работу, где занимается исполнением своих обязанностей. Как и в любой другой организации, здесь есть свои правила и законы. Здесь точно так же нужно печатать на машинке, диктовать, звонить по телефону, проводить встречи и совещания, заниматься проверкой фактов, консультироваться со специалистами и держать связь с другими подразделениями организации. Точно так же, как и в любой другой организации, в полиции невозможно целиком и полностью посвятить себя одному-единственному, пусть даже и крайне важному делу. Вас всегда будут отвлекать по другим вопросам, и вам придется встречаться с людьми, не

имеющим отношения к занимающему вас расследованию. Вы неизбежно столкнетесь с накладками: кто-то не вовремя уйдет в отпуск, а кого-то в нужный момент не окажется на месте. Вы будете страдать от нехватки квалифицированных кадров да и просто от усталости.

Труд детектива чем-то похож на деятельность менеджера по работе с клиентами в рекламном бюро.

Есть только одно серьезное отличие – стоит о нем позабыть и приспособиться, как разница тут же становится незаметной.

Несмотря на адский режим работы и бешеную нагрузку, менеджеру рекламного бюро редко приходится смотреть в лицо смерти, а если подобное случается, то это уж явно происходит не каждый день.

Детектив сталкивается со смертью в различных формах и проявлениях как минимум пять раз в неделю, а как правило, гораздо чаще. Он видит ее на улицах в естественной среде обитания, видит, как город высасывает по капле жизнь из обитателей трущоб – мальчишек и девчонок, мужчин и женщин, заставляя их гнить заживо. Он видит, как смерть куда более ярко и злобно проявляет себя, беря верх над наркоманами. Торчки обрекают себя на смерть самым отрицанием жизни, отказом от нее, медленным угасанием воли и желаний, в результате чего в их душах остается гореть одна-единственная страсть – к героину. Он видит, как погибель караулит закоренелых воров, грабителей, взломщиков, мошенников и сутенеров. Им грозит медленная смерть за решеткой в тюрьме, где преступники рано или поздно оказываются в полном соответствии с законом. Детектив смотрит на проститутку и снова видит смерть – ведь они задушили в себе гордость, погубили честь, а всякий раз, укладываясь под очередного клиента, насмеются и убивают надежду на искренние отношения и чувства. Он видит призрак смерти в гомосексуалистах, уничтоживших в себе то, что даровано мужчинам природой, и обрекших себя на преисполненную отчаяния жизнь, ведущую к бесславной гибели. Он видит смерть в подростковых уличных бандах, боящихся смерти и потому сеющих ее направо и налево в попытке отогнать этот страх.

И конечно же, детектив видит смерть в самом ярком ее проявлении, когда она, сорвавшись с рук человека, охваченного жадной насильем, отправляется собирать свою кровавую жатву. Он видит огнестрельные и ножевые ранения, раны, нанесенные топорами и ледорубами, вспоротые животы и прочие увечья. И

всякий раз, когда детектив видит очередную жертву, чью жизнь оборвали столь бесцеремонным образом, ему приходится переступить через себя, забывать о том, что он человек, и обращаться в бесстрастного наблюдателя – инопланетянина с далекой планеты, изучающего загадочную расу разумных насекомых, рвущих друг друга на части и пьющих кровь себе подобных. Мгновение назад детектив был человеком, который не в состоянии поверить, что подобные зверства могут творить представители людского рода, который почти дотянулся до самых звезд. Он закрывает глаза, берет себя в руки, заставляет чувства умолкнуть, после чего поднимает веки. Теперь перед ним на мостовой не труп, который совсем недавно был живым человеком, а дело, требующее немедленного расследования. Ну а он, детектив, всего лишь винтик системы, огромной организации, и ему необходимо приступить к выполнению своих обязанностей – собирать факты, чтобы сложить головоломку и добиться конечного результата – найти преступника, закрыть дело и сдать его в архив, туда, где хранится целая куча точно таких же дел.

Данные баллистической экспертизы, полученные Кареллой, утверждали, что пуля, извлеченная из деревянного дверного косяка за спиной Форреста, и гильза, обнаруженная на крыше здания напротив, были от патрона «ремингтон» калибра 7,82 мм. В отчете баллистической экспертизы также было сказано, что гильза – цельнометаллическая, а пуля с мягкой головной частью в медной оболочке с шестью насечками весит 12,37 грамма. Нарезка на пуле шла справа налево. Эксперт предположил, что убийца Форреста, скорее всего, воспользовался оптическим прицелом, поскольку расстояние от крыши до того места на тротуаре, где погиб Энтони, составляло около ста сорока метров.

Изучив отчет баллистической экспертизы, Карелла повел себя так, словно уже давно не занимался расследованием преступлений. Стивен махнул рукой на дурное предчувствие, терзавшее его с того самого момента, как он увидел тело Форреста, искренне надеясь, что если это предчувствие не замечать, то оно со временем куда-нибудь денется, облегчив таким образом его работу. Поскольку на вызов выехал он, значит, и расследовать дело предстояло ему. У детективов восьмидесят седьмого участка редко имелись постоянные напарники – на помощь, как правило, приходил тот, у кого в данный момент имелись силы и время. Назовете такой подход бессистемным и непродуманным? Вы правы, но тем не менее он уже успел доказать свою эффективность. На дворе стоял апрель, но Мейер Мейер уже выходил из отпуска на смену Берту Клиngu – теперь настала пора отдохнуть и ему. Отпуска до наступления лета придумал

лейтенант Бернс – складывалось впечатление, что уровень преступности подсакивал именно летом, и потому в летний период, особенно в июле и августе, лейтенант предпочитал иметь под рукой весь личный состав. Коттон Хоуз и Хэл Уиллис не покладая рук работали над серией ограблений складов, Энди Паркер расследовал налет на ювелирный салон, а Артура Брауна направили на помощь отделу по борьбе с наркотиками, чтобы помочь изловить известного наркоторговца, толкавшего дурь в зоне ответственности участка. Всего в штате участка состояли шестнадцать детективов, и Карелла успел поработать в паре с каждым из них. С Мейером Мейером Стивен очень хорошо ладил и потому обрадовался, когда лейтенант назначил ему в напарники именно его.

Как это ни странно, но Мейер тут же настроился на одну волну с Кареллой. Он, как и Карелла, предпочел не обращать внимания на то, что буквально бросалось в глаза. Его до странного обрадовали новости о том, что личность убитого известна, место проживания семьи установлено, а оборвавшую жизнь Форреста пулю удалось найти. Детективам неоднократно приходилось браться за расследование, когда о погибшем не было известно ровным счетом ничего – ни фамилии, ни адреса, не говоря уже о том, есть ли у него родственники или друзья.

Они согласились, что ищут конкретного человека, который убил другого конкретного человека. Оба детектива отдавали отчет в том, что стопроцентная раскрываемость преступлений – несбыточная мечта, но они также прекрасно понимали, что терпение и труд все перетрут, а если еще и задавать правильные вопросы нужным людям, то желаемые результаты, как правило, не заставят себя ждать. Человека просто так никто убивать не станет. Значит, кто-то очень хотел отправить его на тот свет. Именно так рассуждали детективы.

Но вскоре им пришлось изменить свою точку зрения.

III

На следующий день стояла такая же роскошная весенняя погода.

Человек, живущий в деревне на природе, никогда не сможет понять, что значит такой день для обитателя города. Горожанин каждый вечер жадно прикипает к телевизионному экрану и, ловя каждое слово, внемлет прогнозу погоды. Пробудившись от звонка будильника, он первым делом нетвердой походкой направляется к окну и поднимает взгляд к небу. И если там, вверху, его взору предстает бездонная синева, горожанина охватывает восторг, который окончательно его будит, прогоняя прочь остатки сна. При виде голубого неба к горожанину сразу приходит осознание того, что его ждет чудесный день и все пойдет как по маслу, без сучка и задоринки. После этого, невзирая на время года, будь то зима или лето, весна или осень, он распахивает окно, чтобы узнать, какая на улице температура. От этих первых мгновений утром зависит не только, что именно наденет горожанин. Эти первые минуты определяют, с каким настроением он проживет этот день, они обуславливают весь его жизненный настрой.

Рендольф Норден проснулся от звуков радио в половине восьмого утра. Он специально купил радиоприемник с таймером, решив, что поутру куда приятнее пробуждаться под звуки музыки, чем под противный перезвон. Однако в половине восьмого, когда он привык вставать, передавали последние известия, поэтому всякий раз ему приходилось просыпаться от голоса диктора, бубнившего последние дурные новости об отношениях с Россией. Рендольф попытался ставить часы на 7:35, когда на смену новостям приходила музыка, но очень скоро обнаружил, что эти пять минут имеют для него существенное значение – пожертвовав ими, он опаздывал на работу. Тогда он попробовал ставить часы на 7:25, но мысль о том, что всякий раз приходится сокращать свой сон на пять минут, никак не давала ему покоя. И вот каждое утро, вместо того чтобы пробуждаться под звуки музыки, ради чего он, собственно, и купил радиоприемник с таймером, Рендольф просыпался от голоса диктора, зачитывавшего последние мрачные известия. По мнению Рендольфа, история с радиоприемником служила очередным доказательством несправедливости жизни.

Когда он спустил ноги с постели, диктор начал рассказывать о каких-то островах у черта на куличках. «Да пошел ты со своими островами», – буркнул под нос Рендольф. Еле переставляя ноги, побрел к окну спальни, на ходу задрал пижаму, чтобы почесать живот. Сейчас Нордена раздражало буквально все на свете – и радио, и жена Майя, что крепко спала в кровати, и даже дети, спавшие каждый в своей комнате, на другом конце квартиры. И уж конечно, его бесила служанка, которая, несмотря на то что он платил ей жалованье, вставала позже него, и потому ему каждое утро приходилось самостоятельно готовить себе завтрак.

Рендольфа буквально колотило от переполнявших его чувств, и он резко отдернул шторы, надеясь, что солнечный свет упадет прямо на лицо жены, и она проснется. Тут же устыдившись своего недостойного поведения, он повернулся, желая взглянуть, озаряет ли солнце лицо Майи. Оказалось, что нет. «Неужели сегодня пасмурно?» – с отчаянием подумал он, однако стоило ему поднять взгляд, как на лице появилась тень улыбки. Там, высоко над крышами, приветливо синело небо. Коротко кивнув, Рендольф открыл окно и высунул голову наружу.

Стояла настоящая теплынь, а с юга, со стороны реки Харб, дул ласковый, нежный ветерок. Из окна квартиры, располагавшейся на двенадцатом этаже, он мог разглядеть, как по реке плывут суда и снуют катера, а над ней величественно от берега к берегу протянулся мост. Улыбка Нордена стала гораздо шире. Оставив окно открытым, он вернулся к кровати, выключил радио, скинул с себя пижаму, после чего быстро и при этом беззвучно оделся, натянув на себя нижнее белье, брюки, носки и туфли. Затем он отправился в ванную комнату, где принялся бриться электрической бритвой. Вслушиваясь в ее жужжание, он все больше преисполнялся уверенностью в том, что день сегодня будет удачным. Рендольф любил повторять, что самые блестящие мысли ему приходят во время бритья. Не исключением стало и сегодняшнее утро. Пока он водил бритвой по щетине, его посетило несколько гениальных идей – ну, по крайней мере, именно такими они ему показались. К тому моменту, когда он закончил бритье, надел рубашку, галстук, пиджак и явился на кухню плеснуть себе сока и сварить кофе, ему уже не терпелось быстрее добраться до адвокатского бюро на Холл-авеню, в котором он работал, чтобы как можно скорее приступить к воплощению своих гениальных идей в жизнь. Вылебав большими глотками сок и кофе, он быстрым шагом направился на другой конец квартиры, туда, где находились спальни детей. Дети еще не встали. Джоанна уже проснулась и, сидя в кроватке, с полусонным видом читала сборник сказок.

– Доброе утро, пап, – подняла на него взгляд дочка и тут же вернулась к чтению.

– До встречи вечером, – поцеловал он ее, – ага?

Джоанна, не отрываясь от книжки, кивнула. Рендольф направился в другую комнату, где все еще спал Майк. Он решил его не трогать – а вдруг еще проснется. Вместо этого Норден снова из конца в конец пересек квартиру, вернулся в свою спальню и поцеловал Майю, которая что-то пробормотала сквозь сон и перевернулась на другой бок. Улыбнувшись, он взял портфель-

дипломат и вышел из квартиры в коридор.

- Доброе утро, мистер Норден, - поздоровался с ним лифтер, - сказочная сегодня погода.

- С тобой не поспоришь, Джордж, - ответил Рендольф.

В молчании они спустились на первый этаж.

- Удачного вам дня, мистер Норден, - пожелал Джордж.

Кивнув ему в ответ, Рендольф вышел из лифта в фойе и направился к своему почтовому ящику, который он неизменно проверял, прекрасно при этом зная, что еще слишком рано и утреннюю почту не успели разнести. Открыв дверь на улицу, он вышел из дома и, встав на тротуаре, посмотрел на небо и снова улыбнулся.

В тот самый момент, когда он сделал глубокий вдох и вобрал полную грудь свежего весеннего воздуха, прямо промеж глаз ему попала пуля, убив его наповал.

Детектив шестьдесят пятого участка, принявший вызов, был человеком педантичным и предпочитал быть в курсе всех важных событий, имеющих отношение к полиции. В зоне ответственности шестьдесят пятого участка находился богатый район, убийства в котором считались происшествием необычным и редким, и потому детектив очень удивился, когда патрульный сообщил именно об убийстве. Сыщик надел шляпу и махнул рукой напарнику в знак того, чтобы тот следовал за ним. Они вышли на улицу, сели в полицейский седан с лысыми передними шинами и отправились на место преступления - туда, где на тротуаре лежал труп Рендольфа Нордена. Детектив достаточно быстро сообразил, что убийца стрелял в Нордена откуда-то сверху - либо с крыши, либо с верхнего этажа одного из зданий на противоположной стороне улицы. Входное отверстие располагалось между глаз Нордена, а выходное - у самого основания черепа; это указывало на то, что пуля прошла под очень острым углом. Детектив не любил бегать от работы, более того, ему хотелось отыскать убийцу. Оно и понятно: в районе, где из самых тяжких преступлений одни квартирные кражи да грабежи, волей-неволей начинаешь мечтать о

настоящем деле. Однако детектив уже прочел утреннюю газету и знал, что накануне при схожих обстоятельствах погиб мужчина по имени Энтони Форрест. Убийство произошло на Кулвер-стрит, в зоне ответственности восемьдесят седьмого участка. Естественно, он тут же понял, что оба преступления связаны между собой, но решил пока не отказываться от дела и обождать. Ждать пришлось недолго.

Согласно выводам баллистической экспертизы, пуля, пробившая голову Нордена и расплющившаяся о мостовую, а также гильза, найденная на крыше здания напротив, являлись некогда патроном «ремингтон» калибра 7,82 мм. Далее в отчете говорилось, что гильза – цельнометаллическая, а пуля – с мягкой головной частью в медной оболочке с шестью насечками, правой нарезкой и весит 12,37 грамма. Под отпечатанным на пишущей машинке отчетом имелась еще и приписка от руки. Автором ее, по всей видимости, был один из экспертов, решивший блеснуть умом и сообразительностью:

Рекомендую связаться с детективом второго разряда Стивеном Кареллой (87-й участок) по телефону: 7-8024. Расследует вчерашнее убийство. Случай аналогичный. Способ убийства и патрон – идентичны.

Дж. Л.

Детектив из шестьдесят пятого участка прочитал отчет и приписку, откинулся на стуле и громко произнес, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Да что он, черт подери, о себе возомнил?! Он думает, я сам не соображу?

С этими словами он придвинул к себе телефон и принялся набирать номер.

Мейер и Карелла с завидным упрямством всячески пытались избегать мысли о том, что Энтони Форрест пал жертвой снайпера.

Снайпер, как правило, достаточно редкая разновидность убийцы. Схож он со снайпером, сражающимся на войне, только в одном – в образе действий. И в том

и в другом случае снайпер стреляет из укрытия, где он ждет появления своей жертвы. Успех зависит от элемента неожиданности в сочетании с быстротой и безукоризненной меткостью. В ходе военных действий притаившийся среди деревьев снайпер может задержать целое отделение солдат, при этом существенно его разредив. Прежде чем отделение поймет, что происходит, и бросится врассыпную, чтобы залечь в укромном месте, снайпер спокойно может подстрелить нескольких человек. Слаженно работающая команда снайперов может изменить ход сражения. Снайперы – опасные противники, несущие смерть, которая всякий раз неожиданно, словно гнев Божий, обрушивается с небес.

Военных снайперов готовят убивать вражеских солдат. Убьют много – получат медаль. Хороший снайпер даже может заставить солдат противника восхищаться своим искусством, пусть это восхищение будет с изрядной примесью злобы и ненависти. Снайпер и вражеские солдаты молча ведут друг с другом опасную игру – солдатам нужно выяснить, где он прячется, а потом придумать, как его выбить из укрытия, прежде чем он перестреляет их всех. На войне снайпер – опасный противник, настоящий мастер своего дела. В мирное время снайпером может быть кто угодно.

Им может оказаться пацан, решивший испробовать новое пневматическое ружье и выстреливший наугад в первого попавшегося на глаза прохожего из окна своей спальни. Им может оказаться безумец, который стреляет в любого человека, одетого в красное. Им может стать маньяк вроде Джека Потрошителя, который начнет убивать блондинок с хорошими фигурами. Он может ненавидеть религию, вегетарианцев, стариков, евреев, пацифистов – кого угодно. Убийца-снайпер непременно кого-то ненавидит, и это единственное, что можно с некоторой уверенностью о нем утверждать. Почему именно с некоторой? Потому что полиция нередко арестовывала снайперов, которые стреляли в людей просто так – чтобы развлечься. Они не связывали между собой охоту на людей, которую воспринимали как своего рода спорт, с тем фактом, что их выстрелы обрывают чьи-то жизни. Для многих снайперов смертельная игра была стрельбой по движущимся неодушевленным мишеням. Для других – охотой, и такие часами сидели в засаде, словно их целью были не люди, а утки. На войне снайпер, как правило, привязан к одной точке: будь то дерево или чердак разбомбленного здания. Если он попытается сменить позицию, его с высокой долей вероятности заметят и уничтожат. С тактической точки зрения это и является его слабостью. В мирное время снайпер-убийца может спокойно выстрелить и скрыться незамеченным. Почему? Да потому, что его жертвы практически всегда не вооружены и не подозревают, что им угрожает какая-то опасность. После

выстрела, как правило, начинается неразбериха, а скрыться под шумок – проще простого. Снайперу нечего бояться выстрела в ответ. Он убил человека, и теперь как ни в чем не бывало идет по улице, ничем не отличимый от других прохожих.

Война омерзительна, но на войне снайперы – лишь солдаты, прошедшие специальную подготовку и выполняющие свой долг.

А вот в мирное время снайперы, открывающие огонь по людям, – банальные убийцы.

Ни Карелле, ни Мейеру не хотелось, чтобы убийца оказался снайпером. Однако на вызов выехал Карелла, детектив восемьдесят седьмого участка, и таким образом дело досталось им, словно пухлый ребенок-подкидыш, недовольно гукающий в корзинке на крыльце. Даже если убийца действительно снайпер и ему взбредет в голову перестрелять весь город, то это ничего не изменит и дело все равно останется у них. Да, безусловно, к делу могут подключить детективов из других участков, быть может, придет помощь из главка, но все равно снайпера ловить придется именно Карелле и Мейеру. При этом в городе проживают десять миллионов человек. Любой из них может быть убийцей. Любой может стать следующей жертвой.

Как вести игру, когда в ней нет правил?

Как применить законы логики к алогичному?

Надо пытаться делать, что можешь.

Надо начинать с начала.

– Это если он снайпер, – выставил палец Мейер. – Пока у нас даже в этом нет уверенности. Суди сам, Стив, пока убиты только двое. Хочешь знать мое мнение? Я считаю, что этот парень из шестьдесят пятого участка... как там его бишь?

– Ди Нобиле, – подсказал Карелла.

- Ага, так вот, я считаю, что он специально спихнул на нас это дело, потому что сам не хочет им заниматься.

- Почерк ведь тот же самый, - возразил Стивен.

- Ну-ну.

- Патрон тот же самый.

- Все люди - двуногие, - ехидно произнес Мейер, - а значит, все двуногие - люди.

- Ты это к чему? - изогнул бровь Карелла.

- Я это к тому, что выводы делать еще рано. Да, двух человек убили выстрелами с крыши, патроны одни и те же, но это вовсе не значит, что...

- Мейер, - поморщился Стивен, - думаешь, я бы не обрадовался, если бы мы вдруг выяснили, что обе жертвы завалила моя тетушка Матильда, потому что у них оформлены выплаты по страховкам на ее имя? Увы, но картинка складывается совсем другая. Прослеживается определенная схема.

- Какая еще схема?

- Способ убийства - один и тот же, оружие - одно и то же. - Карелла загнул два пальца.

- Это может быть и совпадением, - фыркнул Мейер.

- Может, - согласился Стив, - пока не возьмусь с этим спорить. Однако мы узнаем все новые и новые факты, которые свидетельствуют об обратном.

- Ты слишком торопишься делать выводы, - покачал головой Мейер.

- Да неужели? Тогда слушай. - Карелла взял в руки со стола листок с отпечатанным на машинке текстом. Кинув на Мейера взгляд, он начал читать

вслух: – «Энтони Форрест. Почти сорок пять лет, женат, трое детей. Занимал высокопоставленную должность. Вице-президент компании. Зарплата сорок семь тысяч долларов в год. Вероисповедание: протестантизм, по политическим взглядам – республиканец». Запомнил?

– Продолжай.

– «Рендольф Норден, сорок шесть лет, женат, двое детей. Занимал высокопоставленную должность – младший компаньон юридической фирмы, зарплата пятьдесят восемь тысяч долларов в год. Вероисповедание: протестантизм, по политическим взглядам – республиканец».

– Ну и?.. – Мейер выжидающе посмотрел на Кареллу.

– А ты поменяй их местами, – произнес Стивен, – сильно ситуация изменится?

– погоди, – нахмурился Мейер, – ты хочешь сказать, что снайпер охотится на занимающих высокопоставленные должности женатых мужчин средних лет, у которых вдобавок есть дети?

– Почему бы и нет?

– Тогда давай пойдем дальше и возьмем каждый из известных нам фактов по отдельности, – пошел в наступление Мейер. – В таком случае мы сможем предположить, что снайпер охотится на всех, кто старше сорока пяти.

– Может, это так и есть, – согласился Карелла.

– А может, ему нужны женатые мужчины, у которых двое и больше детей?

– Может быть.

– А может, он решил перестрелять всех, кто зарабатывает больше сорока штук в год? Что скажешь?

– Может быть, – снова повторил Карелла.

– А может, он валит протестантов? Или республиканцев?

– Или только тех людей, которые строго соответствуют всем этим характеристикам. – Карелла кивнул на листок и кинул его на стол.

– Стив, – склонил голову Мейер, – я полагаю, таких людей в городе наберется тысяч сто. И это по самым скромным оценкам.

– Ну и что? – пожал плечами Карелла. – Наш снайпер разве куда-то торопится? Время его не поджимает, так что он вполне мог решить перестрелять их всех, одного за другим.

– Тогда, выходит, он псих.

– Мейер, – Карелла внимательно посмотрел на напарника, – именно поэтому я так надеялся, что наш убийца не снайпер.

– Может, ты и прав. Просто этот парень из шестьдесят пятого участка поторопился с выводами...

– Я так не думаю, – покачал головой Стив. – Он не дурак и сделал единственно верный вывод, который подсказывает логика. Я думаю, мы все же имеем дело со снайпером, и я очень надеюсь, что он не псих. Нам надо скорее выведать всю подноготную о Форресте и Нордене. Так мы узнаем, что у них общего. Думаю, действовать надо именно так.

– Вот только снайпера нам для полного счастья не хватало, – пожал плечами Мейер и сунул руки в карманы.

IV

Президент корпорации «Индиан экспорте», в которой работал покойный Энтони Форрест, оказался лысеющим мужчиной лет за шестьдесят. Был он полным и важным, а в его облике сквозило что-то немецкое. Рост его чуть превышал метр семьдесят. У президента выдавался вперед круглый живот. Судя по походке, он

страдал плоскостопием. Еврей Мейер Мейер в его обществе тут же почувствовал себя неуютно.

Президента звали Людвиг Эттерман. Встав у своего рабочего стола, он вроде бы с искренним отчаянием в голосе произнес:

- Тони был очень хорошим человеком. Ума не приложу, почему это произошло.

Людвиг говорил с едва заметным немецким акцентом.

- Скажите, мистер Эттерман, вы давно с ним были знакомы? – спросил Карелла.

- Пятнадцать лет, – вздохнул Людвиг. – Это, знаете ли, очень долгий срок.

- Нам бы хотелось выяснить кое-какие подробности. Вы готовы ответить на наши вопросы, сэр?

- Что именно вам хотелось бы узнать? – Людвиг поднял взгляд на детектива.

- При каких обстоятельствах вы познакомились, на каких условиях мистер Форрест у вас работал, и в чем заключались его обязанности, – промолвил Карелла.

- Когда мы познакомились, он был заведующим отделом сбыта, – начал Людвиг. – На тот момент у меня уже была своя компания. Тони работал в фирме, расположенной в центре города, – она уже давно закрылась. Он продавал картонные коробки. Как вы знаете, мы импортируем в Штаты товары из Индии, а потом развозим их по всей стране. Само собой, для этого нам нужны коробки. В то время большую часть коробок я покупал в компании, в которой работал Тони. Я регулярно встречался с ним... пожалуй, два раза в месяц.

- Если я правильно вас понял, сэр, это было сразу после войны?

- Да.

- Вы не в курсе, состоял ли мистер Форрест на действительной военной службе?

– Состоял, – кивнул Эттерман, – он служил в артиллерийских войсках. Был ранен в Италии, в бою с немцами, – помолчав, Людвиг повернулся к Мейеру и произнес: – Знаете, я гражданин США. Я живу здесь с тысяча девятьсот двенадцатого года – мои родители перебрались сюда, когда я был еще мальчишкой. Большая часть моей родни уехала из Германии. Некоторые из родственников осели в Индии. Так я и занялся бизнесом.

– Вы знаете, в каком звании служил мистер Форрест? – уточнил Карелла.

– Если не ошибаюсь – капитан.

– Ясно, продолжайте, пожалуйста.

– Так вот, – кашлянул Людвиг, – он мне понравился с самого начала. Он был обаятельным, очень обходительным. Коробки, если разобраться, везде одинаковые, так что не особенно принципиально, у кого их брать. Я покупал их у Тони, потому что он мне был чисто по-человечески симпатичен. – Эттерман предложил детективам сигары, после чего сунул в рот одну из них и закурил. – Один из моих недостатков, – пояснил он, – мой доктор утверждает, что курение сведет меня в могилу. А я ему говорю, что предпочитаю умереть либо в постели с юной золотоволосой красоткой, либо с сигарой в зубах. – Он усмехнулся. – Принимая во внимание мой возраст, в лучшем случае мне светит смерть с сигарой.

– И при каких обстоятельствах мистер Форрест перешел на работу в вашу компанию? – улыбнувшись, спросил Карелла.

– Однажды я спросил его, доволен ли он своей нынешней работой. Я сразу сказал, что, если ответ будет отрицательным, я готов предложить ему место у себя. Мы обсудили все детали, и он перешел ко мне. На ту же должность – заведующий отделом сбыта. Все это произошло пятнадцать лет назад. А сегодня... точнее, в тот день, когда он погиб, он уже был вице-президентом.

– Мистер Эттерман, что вас заставило предложить ему место?

– Как я вам уже сказал в самом начале, он мне сразу понравился. Кроме того... – Людвиг, замолчав, покачал головой. – Впрочем, ладно, это не имеет значения...

- Вы о чем, сэр? – чуть нахмурился Карелла.

- Понимаете... – Эттерман снова покачал головой. – Видите ли, джентльмены, я потерял сына. Он погиб на войне.

- Простите, – опустил взгляд Стивен.

- Чего уж... Дело давнее, надо жить дальше... Точно? – На лице Людвига мелькнула грустная улыбка. – Мой сын был летчиком. Служил на бомбардировщике. Его сбили во время налета на Швайнфурт. – Он помолчал. – Тринадцатого апреля сорок четвертого года. Там был завод шарикоподшипников.

В комнате повисла тишина.

- Наша семья родом из маленького городка, неподалеку от Швайнфурта. Согласитесь, господа, жизнь порой выкидывает странные фортели. Я немец, родился под Швайнфуртом, а мой сын, американец, гибнет в небе над Швайнфуртом. – Он покачал головой. – Поразительно, просто поразительно.

Снова воцарилось молчание.

- Мистер Эттерман, – Карелла прокашлялся, – скажите, пожалуйста, что Энтони Форрест был за человек? Он хорошо ладил с вашими сотрудниками? Он...

- Он был замечательным человеком, – с жаром промолвил Людвиг, – другого такого я не встретил. Его все любили. Наверное, его убил какой-то маньяк, – предположил он, – ничего иного я просто не могу предположить.

- Мистер Эттерман, он уходил с работы в одно и то же время?

- Мы закрываемся в пять, – ответил Людвиг. – После этого мы с Тони обычно еще беседовали минут пятнадцать. Да, я бы сказал, что он обычно выходил из здания в промежутке между пятью пятнадцатью и половиной шестого.

- А с женой у него были хорошие отношения?

- Тони и Клара были счастливы в браке, – уверенно ответил Людвиг.
- А что вы скажете о детях? – спросил Карелла. – Если я не ошибаюсь, его дочке девятнадцать, а сыновьям примерно пятнадцать?
- Совершенно верно.
- Проблемы у них были?
- Что вы имеете в виду? – не понял Эттерман.
- У детей были какие-нибудь проблемы? Любого плана, – повторил вопрос Карелла.
- О чем вы? Я вас не понимаю, – искренне произнес Людвиг.
- Приводы в полицию, конфликты с другими детьми, – принялся перечислять детектив. – Может, они попадали в дурные компании... Что-нибудь такое было?
- У Тони прекрасные дети, – промолвил Эттерман. – Синтия окончила школу с золотой медалью, получила именную стипендию в университете. Мальчики тоже делают большие успехи в учебе. Один состоит в школьной сборной по бейсболу, а второй в дискуссионном клубе. Нет, никаких проблем у детей Тони не было.
- Мистер Эттерман, вам известны какие-нибудь подробности о военной службе мистера Форреста? – поинтересовался Карелла. – Убийца прекрасно владеет винтовкой, поэтому мы не можем исключать, что он бывший военный. Ну а поскольку мистер Форрест служил в армии...
- Сразу скажу, об этом я практически ничего не знаю, – признался Людвиг. – Однако я не сомневаюсь, что он был прекрасным офицером.
- Может, он когда-нибудь упоминал о конфликтах с подчиненными или сослуживцами, которые могли...
- Джентльмены, – Людвиг внимательно посмотрел на детективов, – он служил в армии во время войны. Но война закончилась много лет назад. Неужели вы

думаете, что кто-то на него столько лет точил зуб?

- Все может быть, - ответил Карелла. - Мы рассматриваем все варианты, сэр.

- Я убежден, что это был маньяк, - с уверенностью сказал Эттерман. - Кто же еще?

- Надеюсь, сэр, вы ошибаетесь, - промолвил Стивен.

Детективы встали и поблагодарили президента корпорации за уделенное им время.

- В обществе немцев я всегда себя чувствую странно, - признался Мейер, когда детективы вышли на улицу.

- Я заметил, - кивнул Карелла.

- Что, правда? - поднял на него глаза Мейер. - Неужели это настолько бросается в глаза? Я что, сидел как мышь?

- Ты не проронил ни слова.

- Ну да, - кивнул Мейер. - Знаешь, о чем я думал? Хорошо, допустим, твой сын летал на американском бомбардировщике и его сбили над Швайнфуртом. Пусть так. А с другой стороны, может быть, кто-то из твоих племянников заталкивал моих родственников в газовые камеры Дахау. - Мейер покачал головой. - Мы тут с Сарой пару недель назад ходили в гости, там собралось много на-роду... Ну и, короче говоря, зашел там спор. Выяснилось, что кто-то из гостей продает у нас в Штатах немецкие машины. Так вот, один мужик договорился до того, что всех немцев надо было пустить под нож. А другой ему ответил, что совсем недавно на свете жил один немец, который точно так же хотел пустить под нож всех евреев. Очень серьезный аргумент. Все верно, не подкопаешься - что, у евреев больше прав уничтожить всех немцев, чем у немцев - уничтожить всех евреев? Довод мне совершенно ясен. Но в то же время, Стив, должен признаться, что отчасти, в глубине души, я был согласен с тем, что сказал тот, первый мужик. Я могу ошибаться, но мне почему-то кажется, что любой еврей на планете где-то в

самых глубинах души был бы рад увидеть погибель всей немецкой нации. За то, что они сотворили с нами.

- Мейер, то было другое время и другие немцы, - промолвил Карелла. - Нельзя ненавидеть одних за то, что сотворили в прошлом другие.

- Ты не еврей, - качнул головой напарник.

- Это верно. Но когда я смотрю на человека вроде Эттермана, то вижу перед собой несчастного старика, потерявшего на войне сына. А два дня назад у него погиб еще и помощник, который был ему как сын.

- А я смотрю на него и вижу кадры хроники, на которых бульдозеры сгребают в кучи тысячи трупов убитых евреев, - отозвался Мейер.

- А сына, погибшего в небе над Швайнфуртом, ты не видишь?

- Нет, - упрямо мотнул головой напарник. - Похоже, я искренне ненавижу немцев и буду ненавидеть их до конца своих дней.

- Может, ты имеешь на это право, - помолчав, произнес Стивен.

- Знаешь, временами мне кажется, что ты еврей, - заметил Мейер.

- Когда я думаю о том, что случилось в Германии, то я - еврей, - согласился Карелла. - В противном случае я бы не имел права называть себя человеком. Они же отправляли в печи людей! Не мусор! Не животных! Людей! Неужели ты думаешь, что я не могу чувствовать то же, что и ты?

- Можешь? Если честно, то не уверен, - поджал губы напарник.

- Не уверен? - вспылил Карелла. - Тогда катись к чертовой матери.

- Обиделся?

- Немного, - буркнул Стивен.

– Почему?

– Сейчас объясню, – вздохнул Карелла. – В первый раз я столкнулся с евреями лет в двенадцать. Богом тебе клянусь, раньше я их не встречал. Хотя нет, к нам время от времени заходил старик, знаешь, из тех уличных торговцев, которые продают всякую всячину, так вот, мать его звала жидом. Так и говорила: «Сегодня жид придет». Не думаю, что она вкладывала в это слово нечто уничижительное. А может, и вкладывала – кто, черт подери, сейчас уже разберет. Она выросла в маленьком итальянском городке и отродясь евреев не видала. Может быть, для нее «жид» и «торговец-разносчик» были синонимами. Лично для меня слово «еврей» было неразрывно связано с образом бородатого старика с заплечным мешком. Все изменилось в средней школе. Именно там я впервые познакомился с евреями. Не забывай, в то время Гитлер уже был у власти. Однажды я услышал анекдот и пересказал его в школьной столовой своему однокласснику-еврею. Тот анекдот был в виде загадки, вопрос – ответ: «Что быстрее всего на свете? – Еврей, который мчится через Германию на велосипеде». Сам понимаешь, однокласснику анекдот не понравился, и он, естественно, обиделся. А я никак не мог понять, в чем же дело. Я пришел домой и спросил об этом отца. Он тоже родился в Италии и держал булочную. Он ее и сейчас держит, сам знаешь. Я рассказал анекдот отцу, и он ему тоже не понравился. Отец отвел меня в столовую – у нас в те времена была столовая, усадил за огромный старинный стол и сказал мне по-итальянски: «Запомни, сынок, в ненависти нет ничего хорошего. И смешного в ней тоже ничего нет». Когда я на следующий день пошел в школу, то первым делом подошел к тому однокласснику, Рубену Циммерману – видишь, я даже до сих пор помню, как его звали, – так вот я подошел к нему, извинился за дурацкий анекдот и попросил не держать на меня зла. Он махнул рукой, да ладно, сказал, забей. Однако с тех пор он со мной так ни разу и не заговорил. Ни разу, Мейер. Ни слова мне не сказал. За все четыре года.

– И зачем ты мне все это рассказал? – осведомился Мейер.

– Сам не знаю, на хрена я это сделал, – буркнул Стивен.

– Может, ты все-таки еврей? – задумчиво произнес напарник.

– Может быть, – согласился Карелла, – давай, перед тем как займемся женой Нордена, пропустим по молочному коктейлю?

Майя Норден оказалась круглолицей брюнеткой сорока трех лет с темно-кариими глазами. Детективы отыскали ее в похоронном бюро на гражданской панихиде по мужу. Тело Нордена лежало в гробу, обитом изнутри атласом. Над лицом покойного прекрасно поработали гримеры, и потому посторонний человек, кинув взгляд на Нордена, никогда бы не догадался, что бедолаге промеж глаз попала пуля. На панихиде присутствовало много друзей и родственников. Среди них была жена Рендольфа и двое его детей – пятилетняя Джоанна и восьмилетний Майк. Оба ребенка сидели на стульях с прямыми спинками возле гроба и выглядели одновременно ошеломленными и очень повзрослевшими. Майя Норден была одета в черное. Она не плакала, однако, судя по глазам, за вчерашний день она пролила немало слез. Майя вышла с детективами на улицу. Они закурили и начали разговор о ее муже, тело которого лежало в тиши похоронного зала.

– Ума не приложу, кто мог такое сотворить, – покачала головой Майя. – Я знаю, все жены думают, что их мужей обожают, но я и вправду не могу назвать ни одного человека, который бы питал к Рэнди неприязнь. Клянусь вам, это правда.

– Миссис Норден, вы не допускаете мысли, что смерть вашего мужа как-то связана с родом его занятий? Он ведь, если не ошибаюсь, был адвокатом?

– Да.

– Может быть, кто-то из его клиентов?..

– Погодите, – перебила детектива Майя, – если человек начинает в кого-то стрелять, значит, он немного ненормальный, так?

– Не обязательно, – мотнул головой Мейер.

– Я к чему клоню... – Майя помолчала. – Конечно же, случилось, что Рэнди проигрывал дела. Покажите мне хотя бы одного адвоката, который ни разу не проиграл ни одного дела. Если же вы хотите знать, мог ли кто-нибудь из его клиентов разозлиться настолько, чтобы убить моего мужа, то, скажите на милость, откуда мне знать, на что способен псих? Как вы определите предел допустимого, если речь идет о человеке неуравновешенном?

– Миссис Норден, мы не уверены, что убийца был человеком неуравновешенным, – мягко произнес Мейер.

– Вот как? – Майя улыбнулась одними губами. – То есть вы утверждаете, что человек, взобравшийся на крышу и застреливший моего мужа, который едва успел выйти на улицу, был совершенно нормальным и адекватным? Полностью в здравом уме?

– Миссис Норден, мы не психиатры. Мы говорим о нормальном психическом состоянии с юридической точки зрения. С точки зрения закона убийца мог быть в здравом уме.

– Пошел этот закон к черту! – вдруг резко сказала Майя. – Если человек способен лишить другого жизни, значит, он псих. И плевать мне, кем он там считается по закону.

– Погодите, миссис Норден. Ваш муж был адвокатом и прекрасно разбирался в законах, так?

– Именно так, – со злостью в голосе промолвила вдова. – К чему это вы клоните? Раз я не уважаю законы, значит, я не уважаю адвокатов, и, значит, я...

– Мы этого не говорили, миссис Норден. – Карелла помолчал, подбирая правильные слова. – Я нисколько не сомневаюсь, что вы, как супруга юриста, чтите и уважаете закон.

– Я больше не жена юриста, – с горечью в голосе произнесла Майя, – вы что, не в курсе? Я вдова. Я вдова, на руках у которой осталось двое маленьких детей. Мистер... Как вас, простите, зовут?

– Карелла.

– Так вот, мистер Карелла, я вдова сорока трех лет от роду. Вдова, а не жена юриста.

– Миссис Норден, вы не могли бы поделиться с нами кое-какими сведениями? Вдруг это поможет нам поймать убийцу вашего мужа.

- Что вас интересует? - поджала губы Майя.

- Ваш муж по утрам выходил из дома в одно и то же время?

- Да. - Чуть помолчав, Майя тут же уточнила: - По рабочим дням. По субботам и воскресеньям он спал допоздна.

- Таким образом, если бы некий человек установил за ним слежку, то он бы знал, что ваш муж каждый день выходит на работу в одно и то же время? - уточнил Карелла.

- Да, получается, что так.

- Миссис Норден, ваш муж был ветераном?

- Ветераном? - Майя озадаченно посмотрела на детективов. - Вы хотите знать, служил ли он в армии?

- Да.

- Служил, - кивнула Майя, - только не в армии, а на флоте. Три года, во время Второй мировой войны.

- Именно на флоте? - переспросил Мейер.

- Да, на флоте.

- Это правда, что ваш муж был младшим компаньоном в юридической фирме?

- Да.

- И как он себя ощущал в данном положении?

- Нормально, - недоуменно промолвила Майя. - А как еще он должен был себя ощущать?

- Скажите, миссис Норден, сколько всего компаньонов было в фирме?
- Трое, если считать вместе с моим мужем, - не задумываясь, ответила вдова.
- И ваш муж был единственным младшим компаньоном?
- Да, - кивнула Майя, - он был самым мо-лодым.
- А как он ладил с коллегами?
- Превосходно. Он мог найти общий язык с любым человеком. Я ведь вам уже говорила.
- То есть проблем с другими компаньонами не было?
- Никаких. - Миссис Норден покачала головой.
- Какой именно областью права занимался ваш муж?
- Ему поручали самые разные дела.
- В том числе и уголовные? - прищурился Карелла.
- Иногда и уголовные.
- То есть вашему мужу случалось защищать в суде обвиняемого в уголовном преступлении? - уточнил Мейер. - И сколько у него было таких дел?
- Три или четыре. Если честно, я не помню. - Майя нахмурилась, напрягая память. - Кажется, все-таки четыре. Это за весь срок работы в фирме.
- Подзащитных оправдали или осудили?
- Двоих оправдали, двоих осудили, - ответила вдова.

- И где сейчас осужденные? – быстро спросил Карелла.
- Я полагаю, в тюрьме, – не слишком уверенно ответила Майя.
- Фамилии их помните?
- Нет, – решительно ответила женщина. – Но, может быть, Сэм... Сэм Готлиб, один из компаньонов... Он должен знать их фамилии.
- Скажите, миссис Норден, ваш супруг родом из нашего города?
- Да. Он и школу тут окончил, и юридический факультет.
- А в каком университете он учился?
- В Рэмси.
- А как вы познакомились? – спросил Мейер.
- Случайно, – грустно улыбнулась Майя, – разговорились в зоопарке. В том, что находится в Гровер-парке. Начали встречаться, а потом поженились.
- Вы поженились до того, как он пошел на флот, или после?
- После. Мы поженились в сорок девятом году.
- А когда он служил, вы уже были знакомы?
- Нет, – вдова снова покачала головой, – его призвали сразу после университета. Экзамен на право вступления в адвокатскую коллегия он прошел уже после демобилизации. Вскоре после экзамена он приступил к работе. Когда мы познакомились, у него была своя маленькая фирма в Беттауне. В нынешнюю фирму «Готлиб и Грэхем» он перешел только три года назад.
- То есть вплоть до этого времени у него была своя фирма? – уточнил Стивен.

- Нет, он работал в нескольких других компаниях.
- У него были там какие-нибудь проблемы?
- Нет. Никаких проблем не было, – уверенно ответила Майя.
- А уголовными делами в тех компаниях он занимался?
- Да, – вздохнула вдова. – Но что касается подробностей... – Она развела руками.
- А хотя бы названия тех компаний вы вспомнить можете?
- Неужели вы думаете, что ему кто-то мстит за проигранное дело? – ахнула Майя.
- Мы пока не знаем, миссис Норден. В настоящий момент нам не за что ухватиться. Мы были бы рады любой зацепке, – честно признался Стивен.
- Я напишу вам список, – пообещала Майя. – Давайте зайдём внутрь. – На пороге похоронного бюро она остановилась и произнесла: – Простите, если нагрубила вам. – Женщина помолчала. – Понимаете, я очень любила мужа.

V

В понедельник 30 апреля, через пять дней после первого убийства, Синтия Форрест пришла в участок, чтобы встретиться со Стивом Кареллой. Она поднялась по низким ступенькам к входу в серое здание участка, миновала две круглые зеленые лампы над дверью, на которых было нарисовано белым «87», и оказалась в просторной приемной. Там находился стол с табличкой, требовавшей, чтобы посетители остановились и объяснили, по какому делу они пришли. Когда Синтия заявила сержанту Марчисону, что хочет поговорить с детективом Кареллой, сержант попросил ее представиться, позвонил Стиву, после чего разрешил девушке подняться вверх. Кинув взгляд на указатель со стрелкой, на котором было написано «Следственный отдел», Синтия поднялась по железной лестнице на второй этаж и оказалась в длинном коридоре. Она

прошла по нему до самого конца, миновав мужчину в лиловой спортивной рубашке, прикованного наручниками к скамейке, и, остановившись у деревянной реечной перегородки, принялась шарить взглядом по просторному помещению. Когда Синтия увидела Кареллу, встающего из-за стола, чтобы направиться ей навстречу, девушка порывисто вскинула руку и замахала детективу.

- Здравствуйте, мисс Форрест, - улыбаясь, промолвил он, - заходите. - Он открыл дверцу в перегородке и провел девушку к своему столу.

Сегодня Синтия нарядилась в белый свитер и темно-серую юбку. Длинные светлые волосы были стянуты на затылке в хвост. В руках девушка сжимала тетрадь и какие-то бумаги. Положив все это на стол, она села, скрестила ноги и натянула юбку на колени.

- Хотите кофе? - предложил Карелла.

- А у вас есть?

- А как же! Мисколо! - крикнул он. - Можешь организовать нам две чашки кофе?

- Сейчас все будет! - проревел голос Мисколо из-за дверей канцелярии, находившейся в коридоре.

- Чем могу быть полезен, мисс Форрест? - улыбнулся Карелла девушке.

- Практически все зовут меня Синди, - отозвалась она.

- Хорошо, - кивнул Карелла, - Синди так Синди.

- Так вот значит, где вы работаете, - протянула девушка.

- Да.

- И как вам? Нравится?

Карелла окинул взглядом помещение так, словно увидел его в первый раз.

- Вы про работу или про комнату? - пожал плечами, спросил он.

- И то и другое.

- Участок я бы назвал занюханной дырой, - снова пожал плечами Стивен, - но я к нему уже привык. Работа? Работа, конечно, нравится, иначе я бы ей не занимался.

- Преподаватель по психологии нам рассказывал, что люди, выбирающие профессии, связанные с насилием, как правило, сами склонны к насилию, - сообщила Синтия.

- Да неужели?

- Ага. - Она едва заметно улыбнулась, будто смакуя шутку, смысл которой ускользнул от Кареллы. - Вы не очень-то похожи на человека, склонного к насилию.

- Оно и понятно, - кивнул Стивен. - У меня добрая, нежная душа.

- Тогда получается, что наш препод по психологии неправ.

- Необязательно, - покачал головой детектив. - А вдруг я исключение, подтверждающее правило?

- Может быть, и так, - пожала плечами девушка.

- Значит, вы учитесь на психолога? - спросил Карелла.

- Нет, - улыбнулась Синтия, - я будущая преподавательница. Но хожу на лекции по общей психологии и патопсихологии. А еще потом нам будут читать педагогическую психологию и...

- Одним словом, забот у вас будет полон рот, - подытожил Карелла.

- Пожалуй, да.

– А какой предмет вы хотите преподавать?

– Английский.

– В колледже?

– Нет, – Синтия помотала головой, – в старших классах.

Из канцелярии появился Мисколо. Он поставил две чашки кофе на стол Кареллы и поглядел на детектива:

– Я сделал обе порции с молоком и сахаром. Ничего страшного?

– Синди? – изогнул бровь Стивен.

– Конечно же, ничего страшного. – Девушка одарила Мисколо благодарной улыбкой. – Спасибо вам большое.

– Не за что, мисс, – отозвался Мисколо и отправился обратно в канцелярию.

– Какой он милый, – промолвила Синди.

– Склонен к насилию, – с делано мрачным видом сообщил ей Стивен, – чудовищный взрывной характер.

Синди искренне рассмеялась, взяла чашку и сделала глоток. Поставив ее на стол, она, порывшись в сумочке, достала пачку сигарет. Девушка уже было сунула сигарету в рот, как вдруг ее рука замерла:

– А здесь можно курить? – спросила Синди.

– Конечно. – Карелла чиркнул спичкой и дал девушке прикурить.

– Спасибо. – Она сделала несколько затяжек, глотнула кофе, огляделась по сторонам и с улыбкой повернулась обратно к Стивену. – Мне у вас нравится.

- Прекрасно. Я очень за вас рад. - Помолчав, Стивен спросил: - Так чем я могу вам помочь, Синди?
- Ну-у-у... - Она снова затянулась. Синди курила как все молоденькие девушки - жадно, с явным удовольствием и при этом всем своим видом изображая небрежность. - Папу похоронили в воскресенье. Вы это знаете?
- Знаю, - мягко произнес Карелла.
- Я прочла в газетах, что убили еще одного человека.
- Да, это так, - кивнул детектив.
- Думаете, это работа одного и того же человека? - Девушка внимательно посмотрела на Стивена.
- Мы пока не знаем.
- У вас что, вообще нет никаких версий? - удивилась Синди.
- Мы над этим работаем, - ответил Карелла.
- Я спросила нашего преподавателя по патопсихологии, что он знает о снайперах. - Синди выдержала паузу. - Ведь речь идет о снайпере, так?
- Возможно. И что же сказал ваш преподаватель?
- Он сказал, что практически ничего о них не читал и даже не знает, проводились ли какие-либо исследования, специально посвященные снайперам. Но кое-какие соображения насчет снайперов у него все же есть.
- Да ну? И какие же? - заинтересовался Карелла.
- Он считает, что снайпер очень похож на человека подглядывающего, вуайериста. Смотрели фильм «Подглядывающий»[1 - «Подглядывающий» - английский психологический триллер 1960 года о маньяке-убийце.]?

- Смотрел.

- Так вот, мой преподаватель считает, что динамика для обоих случаев в принципе одна и та же.

- Динамика? - не понял Карелла. - Вы о чем?

- Я говорю про реакцию на отблески детских воспоминаний о первичном грехе, - пояснила Синтия.

- Первичном грехе? - переспросил Стивен.

- Да.

- А что такое «первичный грех»? - с невинным видом поинтересовался детектив.

- Это половой контакт родителей, - не моргнув глазом, решительно ответила девушка.

- Ага, понятно. - Карелла задумчиво кивнул.

- Мой преподаватель считает, что всякий и каждый ребенок, подглядывающий за родителями, пытается себе внушить, что он на самом деле за ними не следит. Снайпер приходит в укрытие, вооруженный винтовкой, - сами понимаете, что именно она символизирует. Как правило, он использует оптический прицел. Таким образом, он в иносказательном смысле воспроизводит пережитый в далеком детстве опыт. Он смотрит, но сам остается незамеченным, действует, оставаясь при этом не пойманным.

- Ясно, - протянул Стивен.

- По большому счету, - продолжила девушка, - мой преподаватель считает, что снайперская стрельба является актом сексуальной агрессии. Невротическая реакция на зрелище первичного греха может проявляться по-разному: либо через вуайеризм, либо, наоборот, через страх самому оказаться жертвой подглядывания. Однако, по сути дела, динамика у вуайериста и снайпера в целом совпадает. Оба прячутся, оба действуют тайком, украдкой. Оба в

процессе испытывают сексуальное возбуждение, а иногда даже и удовлетворение. Что вы об этом думаете? – Синди затушила сигарету и уставилась на Кареллу огромными невинными голубыми глазами.

– Ну... – замялся Стивен, – я даже не знаю.

– У вас в полиции что, психологов нет? – удивилась Синди.

– Почему нет? Есть.

– Так почему вы не спросите у них совета? – спросила девушка.

– Так поступают только в кино, – улыбнулся Карелла.

– Разве вам все равно, что именно движет преступником? По-моему, очень важно знать побудительные мотивы.

– Вы совершенно правы, – согласился Стивен. – Но поймите такую вещь: побудительные мотивы – штука сложная. Вполне допускаю, что ваш преподаватель совершенно прав, рассуждая о некоем конкретном снайпере или даже о тысячах снайперов, однако нельзя исключить, что нам попадетя тысяча других снайперов, которые никогда не видели этого... как вы его называете... первичного греха?

– Да, первичного греха, – кивнула девушка. – Однако неужели предложенная мной версия кажется вам маловероятной?

– Когда речь идет об убийстве, ничего исключать нельзя, – ответил Карелла.

– Такой подход научным не назовешь, – с сомнением изогнула брови Синди.

– Да, не назовешь, – промолвил Карелла и тут же понял, что невольно ответил слишком резко.

– Простите, я не хотела зря отнимать у вас время, – куда более холодным тоном произнесла Синди и встала. – Я просто подумала, что вам захочется узнать...

- Вы не допили кофе, - заметил Карелла.

- Спасибо, но он у вас паршивый, - ответила девушка и, расправив плечи, с вызовом посмотрела на детектива сверху вниз.

- Вы правы, - согласился Стивен, - кофе у нас мерзкий.

- Рада, что мы хоть в чем-то пришли к согласию.

- А я и не знал, что у нас в чем-то есть разногласия, - парировал детектив.

- Понимаете, я просто хотела помочь.

- Я это ценю, - кивнул Стив.

- Я думала, что мы живем в современном мире, и, возможно, сейчас полицейских заинтересует психологическая составляющая, толкающая человека на преступление. Похоже, я ошибалась, находясь в плену иллюзий...

- Да будет вам, - махнул рукой Карелла, - милочка, вы такая молодая... Ну чего вам обижаться на тупую твердолобую полицейскую ищейку?

- Я не милочка, я не молодая, а вы не тупой! - отрезала Синди.

- Вам девятнадцать лет.

- В июне будет двадцать, - парировала девушка.

- А почему вам не нравится, когда вас зовут милочкой? - любопытствовал Карелла.

- Потому что я не милая. Я слишком много видела и слышала.

- Что именно?

- Ничего! - резко произнесла девушка.

- Синди, вы меня заинтриговали.

Синди сгребла со стола свои бумаги и прижала их к груди:

- Мистер Карелла, Викторианская эпоха давно закончилась. Зарубите себе это на носу!

- Постараюсь, - пообещал детектив. - Может, все-таки скажете, что вы имели в виду?

- Я имела в виду, что если тебе исполнилось семнадцать лет, то это значит, что ты уже видел и слышал все то, что только можно видеть и слышать, - запальчиво ответила девушка.

- Какой же скучной вам тогда должна казаться вся дальнейшая жизнь, - покачал головой Карелла. - Что же вы делаете в восемнадцать лет? Или в девятнадцать?

- В девятнадцать лет, - ледяным тоном ответила Синди, - вы отправляетесь на поиски полицейского, который огорошил вас известием о гибели отца. Вы хотите его отыскать в надежде поделиться с ним сведениями, которые ему, возможно, будет полезно знать. Вдруг они ему помогут? А потом вы обнаруживаете, что он, как и все так называемые «взрослые», даже не готов вас толком выслушать, и у вас все сводит от обиды.

- Присядьте, Синди, - мягко произнес Стивен. - Что вы хотели мне рассказать о нашем снайпере? Если, хочу вам напомнить, мы вообще имеем дело со снайпером.

- Человек, который стреляет по людям с крыши, со всей очевидностью является...

- Не обязательно! - отрезал детектив.

- Он уже убил двоих человек! Способ убийства один и тот же.

- Далеко не факт, что действовал один и тот же преступник, - возразил Стивен.

- В газетах написали, что калибр патрона...

- Эта деталь может значить очень многое, а может не стоить и выеденного яйца.

- Вы что, серьезно хотите меня убедить, что все эти сходства - банальное совпадение? - ошеломленно спросила Синди.

- Пока я могу сказать вам лишь одно - мы ничего не исключаем. Больше мне добавить нечего. Вы сядете или нет? Когда вы стоите, вы меня нервируете.

Свалив бумаги на стол, Синди уселась обратно. Несмотря на то что девушка «уже видела и слышала все, что только можно видеть и слышать», вела она себя сейчас как самый обычный девятнадцатилетний подросток.

- Итак, - начала Синди, - если моего отца и того, другого человека убил один и тот же преступник, я думаю, вы должны рассмотреть версию сексуальной мотивации.

- Мы ее непременно рассмотрим, - с серьезным видом отозвался Стивен.

Синди резко вскочила и принялась собирать бумаги:

- Знаете что, детектив Карелла? - со злобой в голосе промолвила она. - Вы надо мной издеваетесь. И мне это очень не нравится.

- Да не издеваюсь я над вами! - воскликнул Стив. - Я ловлю каждое ваше слово, однако... Господи, Синди, неужели вы думаете, что мы никогда раньше не сталкивались со снайперами?

- Что?

- Неужели вы думаете, что полиция ни разу за всю историю не расследовала дело о...

Охнув, Синди снова положила бумаги на стол и села:

- Простите, я как-то об этом не подумала.

- Ничего страшного, - махнул рукой Стивен.

- Вы уж извините меня, пожалуйста. - Она хлопнула себя рукой по лбу. - Ну конечно же, каких только дел вы не расследовали! Простите меня!

- Синди, не расстраивайтесь вы так, - ободряюще промолвил Карелла. - Я все равно очень рад, что вы зашли.

- Правда? - неожиданно спросила Синди.

- Сюда нечасто заглядывают милые, умные, молоденькие девушки, - ответил Карелла. - Так что вы, в хорошем смысле этого слова, внесли разнообразие в наши серые будни.

- Я просто обычная американская девчонка. Точно? - как-то по-особенному улыбнулась Синди.

Она встала, пожала Карелле руку, поблагодарила его и ушла.

Женщину, которая шла по Кулвер-авеню, никак нельзя было назвать милой, умной и молоденькой. Да и в образ обычной американской девчонки она тоже не вписывалась.

Ей шел сорок второй год. Поблескивали высветленные пергидролем волосы. Женщина явно перестаралась, когда красила губы и румянила щеки. На черной облегающей юбке виднелись следы пудры, которую женщина просыпала, когда наносила макияж. Грудь, казавшуюся высокой благодаря конструкции лифчика, облегал белый грязный свитер. В руках женщина несла черную лакированную сумочку. Женщина очень напоминала проститутку. Ею она и являлась.

В то время городские проститутки, какой район ни возьми, выглядели скорее как модели или состоятельные законопослушные дамы. А внешность этой дамы противоречила сложившимся представлениям о проститутках. Ее вид одновременно пугал и поражал. Всем своим обликом женщина столь явно

заявляла об избранном ею роде занятий, что начинало казаться – она тем самым, наоборот, пытается отрицать свою принадлежность к древнейшей профессии. Ее наряд, осанка, походка, застывшая улыбка свидетельствовали об одном. С тем же успехом она могла повесить себе на грудь табличку «Я – проститутка». Однако стоило глянуть ей вслед, как воображение рисовало на ее спине еще одну табличку, на которой большими красными буквами было написано: «Я – грязная! Не прикасаться!» Денек у женщины выдался тяжелый. Помимо того, что она была проституткой, или же поскольку она была проституткой, или же она стала проституткой из-за этого порока... Боже мой, сколько жизненных обстоятельств в наши дни формируют психологическую цепочку причин и следствий... Одним словом, женщина была еще и горькой пьяницей. Она проснулась в дешевой комнатухе, под шорох крыс и летучих мышей, доносившийся из-за трещин в штукатурке. Женщина протянула руку к бутылке, стоявшей у ее кровати, и мгновение спустя обнаружила, что бухло кончилось. Она оделась – быстро, поскольку редко надевала под свитер что-то кроме лифчика, – после чего отправилась на улицу. К полудню ей удалось заработать на бутылку дешевого виски, а к часу дня она высосала ее до последней капли. Проснувшись в четыре часа под все те же шорохи крыс и летучих мышей, женщина, как и утром, обнаружила, что бутылка у кровати снова пуста. Она надела лифчик и свитер, натянула черную юбку и черные туфли на высоком каблуке, напудрила лицо, покрасила губы, нанесла на щеки румяна и отправилась на улицу, по которой теперь шла в свете закатного солнца.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

«Подглядывающий» – английский психологический триллер 1960 года о маньяке-убийце.

Купить: https://tellnovel.com/makbeyn_ed/desyat-plyus-odin

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)